

Парадокс Ботвинника

В.Васильев

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал!
(П. Коган)

Как трудно, оказывается, писать о человеке, за жизненной борьбой которого я неотрывно слежу десятки лет, вот уже более полувека, который, хотел я того или нет, властно вошел в мою жизнь и занял в ней свое, особое место. О Ботвиннике так много сказано, в том числе и им самим в его шахматных книгах и мемуарах, что и писать о нем как-то неудобно – обязательно впадешь либо в противоречие с общеизвестным, либо в плагиат, а то и в ересь. Но крупная личность всегда многогранна.

Многолетний друг, а также секундант Ботвинника в нескольких матчах на первенство мира Григорий Гольдберг в статье, посвященной шестидесятилетию Ботвинника, писал: «Представим себе, что в одном человеке соседствуют исключительная человеческая мягкость и не меньшая жесткость, объективность и субъективность, доверчивость и подозрительность, уверенность в своих силах и неверие в них, прямолинейность и хитрость, сдержанность и горячность».

Вот почему каждый любитель шахматного искусства видит и знает, наверное, «своего» Ботвинника, который в малом, а может быть, и в большом отличается и от Ботвинника в представлении других, и от настоящего, реального патриарха советских шахмат, как иногда почтительно, а то, бывает, и с оттенком мягкой иронии величают его в шахматных кулуарах. Поэтому, отдавая необходимую дань Михаилу Моисеевичу Ботвиннику как одной из крупнейших фигур в истории шахмат, я попытаюсь воссоздать здесь и образ моего Ботвинника, каким я его видел и представлял себе прежде и каким вижу теперь.

Удивительно, но «мой» Ботвинник с годами непрерывно менялся. Значило ли это, что менялся сам Ботвинник? И да, и нет. Главное, наверное, все-таки в том, что менялось время, менялись взгляды моего поколения и мои собственные. Короче – изменялась шкала ценностей шахматной и человеческой личности. Изменялась и изменилась настолько, что многие мои прежние представления о Ботвиннике и связанные с ними эмоции выглядят сейчас то наивными, то несправедливыми, а то и трудно объяснимыми.

Ну вот хотя бы такое. В 1948 году Ботвинник первым из советских шахматистов стал чемпионом мира. В матч-турнире он опередил занявшего второе место Смыслова на 3 очка (!), причем выиграл матчи из пяти партий у всех конкурентов (Смыслова, Кереса, Решевского и Эйве). Исключительное достижение – и не только спортивное, но и творческое – Ботвинник играл превосходно! Без всяких преувеличений – новый чемпион мира был нашей всенародной гордостью.

Проходят всего три года – срок, отмеренный Международной шахматной федерацией для очередного матча на первенство мира. Я брожу среди возбужденных, как пчелиный рой, болельщиков в Концертном зале имени Чайковского, где 40-летний уже Ботвинник встретился со своим первым соперником – 27-летним Давидом Бронштейном. Вы думаете, симпатии большинства болельщиков были на стороне Ботвинника, к тому времени, кстати, уже без пяти минут доктора наук (защита состоялась сразу же после матча)? Отнюдь нет. Как свидетельствует сам Ботвинник в своих мемуарах («К достижению цели»), «...откровенно говоря, как всегда, зрители симпатизировали более молодому».

Существует, по-видимому, вполне научное, социально-психологическое объяснение того, почему спортивные болельщики, совсем недавно обожавшие своего кумира, с такой же страстью жаждут его низвержения. Были, конечно, и у Ботвинника свои болельщики, остававшиеся преданными ему всегда, но любители острых ощущений – а им несть числа – отдавали все же свои симпатии Давиду Бронштейну.

И не потому только, что он был моложе, – он еще и играл интересно – свежо, изобретательно, оригинально. В сравнении с ловким, увертливым, хитроумным Бронштейном, любителем и мастером парадоксальных решений, игра Ботвинника казалась мне, как, наверное, и многим другим, несколько тяжеловесной, чересчур что ли солидной, ей не хватало перца, бронштейновской сумасшедшинки.

Боже, как мы были тогда пристрастны! Почему мы не хотели считаться с тем, что, готовя докторскую диссертацию, Ботвинник не сыграл за три года ни одной партии и вынужденно начал матч совершенно растренированным?

Почему тактические хитрости претендента мы воспринимали с восторгом, а тончайшую игру чемпиона в окончаниях, где важнейшую роль играет самое, может быть, великое в шахматах – позиционное провидение, считали чем-то обыденным?

Поразительный факт: мысленно перебирая в памяти отдельные эпизоды той битвы, я отчетливо вспомнил девятую партию, ту самую, в которой Бронштейн остался без ладьи и все же сумел спасти пол-очка! Каков удалец! Что касается Бронштейна – тут все верно, изворотливость он проявил дьявольскую. Но вот то, что Ботвинник, пойдя навстречу замыслу противника, опроверг комбинацию Бронштейна чисто тактическим путем, благодаря чему и выиграл ладью, – этого память не зафиксировала, нет.

Я вновь открыл для себя эту контркомбинацию, просматривая партии матча.

Чем вызвана такая психологическая aberrация? Почему память действовала избирательно и именно в таком ключе – пропуская мимо примеры тактической изобретательности одного и зорко подмечая аналогичные достижения другого? Только ли потому, что болельщик, как говорил Джанни Родари, слеп, как влюбленный?

Нет, тут было еще и другое. То, что сопровождало Ботвинника едва ли не на протяжении всех сорока семи лет его выступлений в шахматных соревнованиях. Легенда о том, что Ботвинник – шахматист якобы маневренно-позиционного стиля, что он сильно разыгрывает лишь те схемы, которые им заранее разработаны, а в сложных положениях, в острых, переменчивых ситуациях чувствует себя не очень уверенно.

За всем этим, как мне кажется, таилась мыслишка, что Ботвинник, как говорится, сделал себя, что в шахматах он – прежде всего глубокий стратег, строгий логик, хорошо подготовленный боец с необычайно сильным характером, но его таланту, однако, – и в этом вся суть – недостает силы, яркости.

Это, конечно, было не более чем легендой, и Ботвинник опровергал ее убедительнейшим образом на протяжении все тех же сорока семи лет.

И не он один. Не случайно, наверное, Бронштейн в статье, написанной в 1957 году, счел нужным дважды отметить талантливость тогдашнего чемпиона мира: «В основе многолетних творческих и спортивных достижений Ботвинника... лежит, без сомнения, крупный и многогранный шахматный талант...» И несколько далее, раскрыв черты творческого облика Ботвинника: «Все эти дополнительные факторы – только нули, приставленные справа к единице яркого и неповторимого шахматного таланта Ботвинника».

Но почему же она, эта легенда, несмотря на свою вздорность, была так живуча?

Тут причин не одна и не две – их много.

Ботвинник поздно познакомился с шахматами – в двенадцать лет. Из великих сделал свой первый ход позже, если не ошибаюсь, только Акиба Рубинштейн. Так вот, спустя всего два года, в полуфинале первенства Ленинграда среди взрослых Ботвинник набрал $11\frac{1}{2}$ очков из 12 – необыкновенный результат, особенно если вспомнить, что в ту пору Ленинград по шахматному потенциалу как минимум не уступал Москве. Меня удивляет не столько количество побед, сколько то, что мальчик, не проиграв ни одной партии, лишь одну закончил вничью.

Уже тогда, выходит, у совсем еще юного и неопытного Ботвинника, знавшего шахматы всего два года, была тяжелая рука. В подсознании он словно торопился в своем шахматном развитии, стараясь побыстрее наверстать упущенные годы. Так и кажется, будто с шахматами он еще не был знаком, а его шахматное совершенствование уже загадочным образом происходило.

Раннее созревание, ранняя зрелость таланта позволили Ботвиннику избегать свойственных юности иллюзий, запальчивых промахов, наивных увлечений. Не пора ли мужчиною стать? – этого укоряющего вопроса ему никто не мог задать. Не странно ли, талант, заявляя о себе, должен, просто обязан на первых порах допускать промахи! Пусть талантливые, но промахи. Талантливый юноша не имеет права не увлекаться, не давать волю своим порывам, а как же иначе! Вспомним хотя бы юность Михаила Таля,

вспомним, как увлекался и многое терял на этом юный Роберт Фишер, какие, я бы сказал, пылкие промахи совершал в азарте Гарик Каспаров в своем первом чемпионате страны!

Ботвинник ошибок молодости практически не делал, и этого-то ему и не могли простить! Молодо, да не зелено! Это было не по правилам. Так на юноше появился ярлык: сильный, но скучный шахматист. А клей, которым прилепляются ярлыки, как мы знаем, схватывает намертво.

В своем первом чемпионате страны Ботвинник выступил в шестнадцать лет и разделил пятое-шестое места. (Для сравнения: талантливейшие Давид Бронштейн, Тигран Петросян и Михаил Таль впервые попали в финал в двадцать лет и заняли там соответственно пятнадцатое, шестнадцатое, пятое-седьмое места).

При оценке дебюта Ботвинника один из крупнейших авторитетов того времени нашел едва ли не главное достоинство юного шахматиста в уравновешенности его игры! Еще более красноречиво откликнулся на потрясающий успех юноши московский журнал «Шахматы». Из сыгранных Ботвинником двадцати партий он опубликовал четыре – именно и только те, в которых тот потерпел поражение...

Почему удачливому дебютанту чемпионата был устроен такой странный прием? Может быть, тогда вообще принято было молодых держать в черном теле – на всякий случай, чтобы не задирали нос? Вовсе нет. Щедро одаренного Николая Рюмина, шахматиста яркого, остроатакующего стиля, выигравшего, кстати, у Капабланки сенсационную партию в московском международном турнире 1935 года, принимали куда теплее. Увлекавшийся и азартничавший в игре (вот оно, право таланта!), хотя и нередко при этом ошибавшийся, Рюмин вообще был любимцем шахматистов. Я всегда с восхищением наблюдал за ним в Центральном парке культуры имени Горького. Высокий, сутулый, во всегдашней тубетейке, Рюмин, между прочим, чем-то неуловимо напоминал молодого Горького на фотографиях. Рюмин несколько лет конкурировал с Ботвинником в борьбе за лидерство в советских шахматах, и, как вы уже догадываетесь, симпатии многих были опять-таки не на стороне Ботвинника.

Так в чем же дело? Может быть, у Ботвинника действительно не было острых партий, эффектных атак? Было, и немало! Но как римские когорты побеждали во многом благодаря четкой, продуманной системе действий в наступлении и защите, благодаря умелому перестроению боевых порядков, так и Ботвинник превосходил других мастеров прежде всего в стратегии, в постановке партии в позиционном понимании. Поэтому и возникала иллюзия, будто тактика была его уязвимым местом.

Как ни странно, тот знаток, который, как видно, не без сарказма обратил внимание на уравновешенность игры юнца, попал в яблочко! Ибо уже тогда, в шестнадцать лет, став только после этого чемпионата мастером, Ботвинник обладал тем, что резко выделяло его среди советских шахматистов того времени – разносторонностью («уравновешенностью!»), густой энергией, неудержимой напористостью игры.

Много-много лет спустя, перед последним матчем Ботвинника, защищавшего свой титул, экс-чемпион мира Михаил Таль сформулирует свой прогноз с афористической четкостью:

– Мне кажется, что одной из важных проблем матча станет конфликт между пробивной силой Ботвинника и непробиваемостью Петросяна.

Пробивная сила – это словосочетание всегда было опознавательным знаком игры Ботвинника во всех без исключения турнирах и матчах.

Страстный и непримиримый ревнитель шахматных законов, Ботвинник всегда (за одним редчайшим, хотя и важным исключением, – мы к нему еще вернемся) играл по позиции. Если позиция подсказывала, что вернейший путь к цели – накопление позиционных богатств, Ботвинник без колебаний шел по этому скучному пути. Если позиция требовала принятия безотлагательных решений, он не уклонялся от ответственности и шел в атаку. Но атакующие позиции, как мы знаем, возникают не так уж и часто. Молодые, горячие головы пытаются иной раз такие позиции создавать искусственно, поступаясь при этом какими-то позиционными выгодами. Ботвинник этого не делал – он, повторяю, строго уважал шахматные законы.

Тут есть один нюанс. Уважать шахматные законы мало, надо еще, чтобы эти законы уважали вас. Став чемпионом страны в 1931 году, двадцатилетний Ботвинник превзошел всех советских мастеров, помимо всего прочего, и в позиционной технике и уже тогда практически сравнялся в этом с сильнейшими шахматистами Запада. Мастера старшего поколения, не владевшие таким умением, не могли смириться с тем, что юнец переигрывает их позиционно, а иногда даже и чисто технически. А что, действительно обидно! Они ведь тогда не знали, что в боях с ними оттачивает свой клинок будущий чемпион мира...

Молодому Ботвиннику чуть ли не в укор ставили, что он сравнительно рано отказался от открытых дебютов и перешел на закрытую игру. Откуда, дескать, в юноше такая осторожность? А никакой осторожности: просто Ботвинник очень быстро осознал, какую силу представляет собой хорошо обдуманый и заранее подготовленный стратегический план, вытекающий из дебютного построения. В открытой партии позиция часто быстро упрощается, а ему нужно было получить сложную игру, где решают не случайности, а логические закономерности, где осуществляемый план всей своей массой, как бетонной плитой, придавливает противника, лишает свободы действий, лишает возможности случайно подвернувшемуся шансом изменить ход событий. Я позволю себе привести упрощенное сравнение с классической борьбой, где надо, помимо прочего, уметь держать противника в партере, не давая ему встать на ноги. Ботвинник как никто другой умел держать противника в партере – вспомним хотя бы матч-реванш с Талем. А если ситуация была иной, если требовалось провести эффектный прием, он прекрасно умел осуществить и это.

Разговоры о том, что Ботвинник играет суховато, что многие его победы – главным образом результат домашней подготовки, приутихли лишь после его триумфальных выступлений в 1935 и 1936 годах, особенно после

незабываемого ноттингемского турнира, где играли все без исключения сильнейшие шахматисты того времени.

О, этот Ноттингем! Помню, с каким жадным и почтительным восторгом ловил я, чемпион (простите за нескромность!) хабаровских школьников, сообщения о том, как наш, советский Ботвинник, в ту пору еще комсомолец, не только на равных сражается с шахматными богами-олимпийцами, но и побеждает их. Подумать только – Ботвинник разделил первое место с Капабланкой, оставив позади тогдашнего чемпиона мира Эйве, Решевского, Файна, Алехина, Ласкера, Флора и других. Его партия с Тартаковым была признана красивейшей в турнире, а партия с Видмаром отмечена призом за красоту.

И вот ведь что удивительно: все еще молодой Ботвинник поднялся на шахматный Олимп, где царили легендарные уже в ту пору Алехин, Капабланка, Ласкер, с необыкновенным спокойствием и чувством достоинства.

– Я никогда не робел перед именами, – сказал однажды Ботвинник. – Это важное качество, которым должен обладать каждый большой мастер.

Историческое значение его роли состоит, помимо прочего, в том, что он перехватил инициативу у шахматистов Запада. До него советские шахматисты смотрели на сильнейших профессионалов как минимум почтительно, Ботвинник открыл новую эру – когда советские шахматы заняли лидирующее положение в мире.

«Замечательный успех наиболее выдающегося из молодых шахматистов – Ботвинника, чемпиона Советского Союза, – не явился неожиданностью, так как он себя уже показал в двух больших московских турнирах 1935–1936 гг. Его достижение в Ноттингеме подтверждает, что он является наиболее вероятным кандидатом на звание чемпиона мира. Я лично считаю, что он имеет все шансы, чтобы стать чемпионом мира в ближайшие годы. Помимо огромного таланта он обладает всеми спортивными качествами, которые имеют решающее значение для успеха, – бесстрашием, выдержкой, точным чутьем для оценки положения и, наконец, молодостью.

По сравнению с сильной и корректной игрой советского чемпиона другие молодые гроссмейстеры производят значительно меньшее впечатление. Файн, Решевский являются, без всякого сомнения, исключительными техниками... Однако у меня такое чувство... что в их игре чересчур много «делового» и недостаточно искусства».

Эти слова принадлежат самому крупному знатоку того времени, тогда уже бывшему, но еще и будущему чемпиону мира – Александру Алехину.

Мне в этой блистательной характеристике не хватает только обозначения железного характера Ботвинника: выдержка – это лишь часть того, что принято именовать характером. «Посредством шахмат я воспитал свой характер», – это ведь тоже Алехин сказал. Ботвинник мог бы сказать иначе: посредством характера я многого добился в шахматном совершенствовании. «Для завоевания первенства мира, – писал Ботвинник еще в молодые годы, – быть может, в первую очередь необходимы твердый

характер, способность к глубокой самокритике и напряженной творческой работе». Обратите внимание, на первом месте – твердость характера.

Но зато как важно, что именно Алехин, неоднократно заявлявший, что считает шахматы искусством, именно он недвусмысленно дал понять, что игра Ботвинника в отличие от прагматиков типа Файна и Решевского находится в сфере искусства.

Вовсе не исключая того, что Алехин дал эту характеристику, находясь не только под впечатлением прелестных комбинаций и жертв, осуществленных Ботвинником во встречах с Тартаковым, Видмаром, Боголюбовым, но и того способа, каким Ботвинник заставил самого Алехина признать ничейным результат их встречи в пятом туре. Алехин тщательно подготовился к поединку с лидером турнира (Ботвинник после четырех туров опережал Алехина на полтора очка!). В не раз игравшемся Ботвинником варианте дракона Алехин заготовил новинку, которая, особенно учитывая эффект неожиданности, сразу поставила черных в кризисную ситуацию. Свои ходы Алехин делал мгновенно, с решительным видом, а когда Ботвинник в критический момент задумался, Алехин стал кружить вокруг столика, бросая на позицию пронзительные взгляды.

Если Алехин начинает задуманное еще до партии и неожиданное для противника наступление, – тут, согласитесь, не стыдно и дрогнуть. Ботвинник проявил в этот момент невероятное хладнокровие. Всего двадцать минут понадобилось ему, чтобы найти план контр наступления, связанный с жертвой двух фигур. Вдумайтесь только: шахматист «позиционно-маневренного» стиля, избегающий острых положений, жертвует две фигуры и кому – самому Алехину, гению комбинаций, и вынуждает того примириться с ничейным исходом!..

Каюсь, я долгое время подозревал, что Ботвинник заготовил эту жертву двух фигур при домашней подготовке. И, оказывается, был не одинок!

«Партия наша, бурная, но короткая, произвела сильное впечатление, в особенности потому, что в соответствии с поговоркой «несть пророка в своем отечестве» меня, конечно, кое-кто недооценивал на Родине, – пишет Ботвинник. – Достаточно сказать, что тогда нашлись специалисты, которые утверждали, что не Алехин нашел в кабинетной тиши атаку с ходом d5 – d6, а жертва двух фигур была моей домашней заготовкой. Они, видимо, считали, что если я и мог найти что-либо интересное упорным трудом, то за доской на это не способен».

Как воспринял Алехин жертву двух коней (после чего Ботвинник, имея уже гарантированную ничью, доставил себе удовольствие подумать), мы знаем из книги воспоминаний Ботвинника: «Боже мой, что случилось с Александром Александровичем! Контригру черных он в анализе проглядел, и когда я задумался, то решил, что чего-то не видит, раз я не тороплюсь форсировать ничью. Галстук у него развязался, пристежной воротничок свернулся на сторону, поредевшие волосы растрепались. Когда мы согласились на ничью, он еле успокоился, но тут же вошел в роль и заявил,

что все это продолжение нашел за доской... Я уже был стреляный воробей и, конечно, не поверил».

Стреляный воробей... Ботвинник рассказывает в своих мемуарах о том, что когда он отложил в полуфинале Ленинграда в выигранном окончании партию с главным конкурентом, тот «решил использовать последний шанс: окольным путем он сообщил, что если партия кончится вничью, то в финал мы будем приглашены оба. А вдруг 14-летний малец поверит? Я не поверил!»

Да, избытком доверчивости, как можно понять, Ботвинник никогда не страдал. Но недоверчивость Ботвинника, по моему убеждению, это лишь одно из нескольких следствий того, что составляет доминанту его характера. Имя этой доминанты – независимость.

Для него существуют авторитеты и в шахматах, и в науке, но окончательное решение он принимает всегда сам, не поддаваясь ничьему влиянию. И если Ботвинник какое-то решение принял, то ничто не может заставить его отказаться от задуманного.

Эта черта лишила его характер гибкости – дипломат из Ботвинника не бог весть какой, а иногда, с моей точки зрения, способствовала тому, что он избирал за жизненной доской не сильнейшие продолжения. Мне, например, кажется, что Ботвинник напрасно отказался от секундантов в двух последних матчах – с Талем и Петросяном, хотя матч-реванш с Талем он завершил с огромным перевесом – в пять очков! (13:8).

Сам Ботвинник объясняет это тем, что никто из возможных секундантов не выдерживал сравнения с его первым тренером и многолетним другом – Вячеславом Рагозиным. Действительно, найти адекватную замену такому тренеру да к тому же еще и другу Ботвинник не мог. И после того как Гольдберг перед матч-реваншем с Талем быть секундантом не захотел, перед Ботвинником, как он сказал в одном интервью, «встал вопрос, брать ли какого-нибудь нового, непроверенного секунданта? Как бы успешно могли бы мы с ним вместе работать, если нас не связывает долголетняя совместная работа? Я решил попробовать обойтись без секунданта».

Здесь сказался, по-моему, не только его человеческий, шахматный и, возможно, этический максимализм, но и усиливавшееся с годами стремление к полнейшей, в идеале – абсолютной, самостоятельности. Он ведь и начинал свой путь в шахматах совершенно самостоятельно – тренеров и учителей у юного Ботвинника не было, если не считать, конечно, сильных партнеров; шахматную премудрость он постигал сам.

Может быть, этим объяснялось (а может быть, это объясняло!), что поразительной независимостью суждений он отличался с молодых ногтей. Когда в четвертьфинале VI чемпионата СССР, проходившем в 1929 году в Одессе, Ильин-Женевский разделил третье-четвертое место, но по коэффициентам получил непроходной балл, главный судья Николай Григорьев собрал участников всех четвертьфиналов и предложил допустить Ильина-Женевского в полуфинал. «Если хоть один из вас выскажется против, – сказал Григорьев, – предложение снимается».

По-видимому, предполагалось само собой, что возражений не будет. Александр Федорович Ильин-Женевский пользовался всеобщим уважением и любовью и как одаренный мастер, и как представитель большевистской гвардии, соратник Ленина, и просто как обаятельный человек. Каково же было всеобщее изумление, а скорее всего, и негодование, когда встал самый молодой среди всех и холодным тоном сказал: «Я – против. Это нарушение регламента». Единственный возражающий нашелся, обсуждение закончилось, все молча разошлись.

Потрясающая история! Интеллигентный и благородный Ильин-Женевский до конца своих дней относился к Ботвиннику с неизменной симпатией и уважением, но меня в данном случае интересует другое. В этом поступке Ботвинника сказалось все – и смелость, смахивавшая в тот момент на дерзость, и независимость, и верность договоренности, установленному положению, и свойственный ему педантизм. Иначе говоря, в этом поступке обнажил себя могучий, жесткий характер Ботвинника. Можно было и тогда, и сейчас по-разному относиться к тому вето, которое 18-летний юноша наложил на участие в турнире всеми уважаемого мастера, но, согласитесь, решиться на такое могли либо самонадеянный нахал, либо выдающаяся личность.

Эта история имела любопытное продолжение. В полуфинале Ботвинник выступил слабо. И Яков Рохлин передал ему слова одного из организаторов чемпионата: «Если бы Ботвинник умел держать себя поскромнее, мы могли бы расширить состав финала и допустить его туда». «Скажите ему, что я ни в чьих протекциях не нуждаюсь, – ответил Ботвинник. – И если в следующий раз попаду в финал, то только если сам этого добьюсь». Он попал в следующий финал – 1931 года и стал чемпионом.

Спустя много лет Ботвинник, победив в одном из чемпионатов страны, должен был получить установленный денежный приз. «Прихожу на закрытие и вижу на столе президиума под стеклянным колпаком старинные настольные часы, – пишет он в мемуарах. –

– Что это такое?

– Первый приз.

Я никогда не гонялся за деньгами, но раз приз был объявлен, регламент надо соблюдать».

И Ботвинник заявил главному судье: «Если будете вручать – при всех откажусь». Так никто и не понял, почему часы стояли на столе. Но денежный приз спустя полгода я все же получил...» К правилам, к регламенту, к джентльменскому соглашению – к любому установлению Ботвинник относится свято. Прокурор он был бы грозный, адвокат – выдающийся. (По собственному наблюдению знаю – нет верней человека, когда нужно вступить за правду, помочь в беде...)

Да, характер у Ботвинника не из легких. Он и сам говорил об этом: «Вообще я отличаюсь, как это давно известно, очень замкнутым характером...» Но только с таким сильным, непримиримым характером и можно было, преодолев сначала сопротивление старшего поколения

советских мастеров, добиться вскоре полного признания у корифеев Запада, а потом, став владыкой шахматного мира, на протяжении многих лет усмирять очередных претендентов на престол.

Самые сильные иногда восставали. На Олимпиаде 1952 года наша команда решила выступать без Ботвинника: спортивная форма чемпиона мира показалась тогда некоторым гроссмейстерам недостаточно хорошей. Зная характер Ботвинника, вы не будете удивлены, услышав, что в том же году, после Олимпиады, он вновь завладел титулом чемпиона СССР, причем против олимпийцев набрал четыре очка из пяти! И еще десять лет после этого – с двумя годичными перерывами – оставался чемпионом мира.

«Странная моя судьба», – меланхолично замечает совсем, правда, по другому поводу Ботвинник в своих мемуарах...

Между прочим, было (конечно!) подмечено, что Ботвинник не выиграл ни одного матча в ранге чемпиона мира: два матча – с Бронштейном (1951) и Смысловым (1954) закончил вничью, три – Смыслову (1957), Талю (1960) и Петросяну (1963) проиграл, а выиграл «лишь» матч-реванши – у Смылова (1958) и Таля (1961). Тут все правильно, но о чем это говорит? Да все о том же – о характере Ботвинника.

Гроссмейстер Андрэ Лилиенталь однажды написал о Ботвиннике: «Я бы назвал его человеком спортивного реванша». Очень тонкое наблюдение! Лилиенталь дал такую оценку Ботвиннику после его вторичного выступления в Гастингском турнире 1961/62 года, где Ботвинник добился выдающегося результата: занял первое место, набрав восемь очков из девяти. А между прочим в Гастингском турнире 1934/35 года Ботвинник, дебютировавший в зарубежном соревновании, выступил скромно – разделил с Лилиенталем пятое-шестое места. «Но Ботвинник не был бы Ботвинником – пишет Лилиенталь, – если бы он забыл уроки Гастингса». Не забыл. Человек спортивного реванша не может, не должен ничего забывать.

Вот уж сколько толковали по поводу того, что чемпиону несравненно труднее, чем претенденту, а, как мне кажется, простая эта истина все же не оценена еще до конца. Речь идет о чемпионах послевоенного времени, когда установленный ФИДЕ, то есть в определенном смысле искусственный и одновременно в дарвиновском смысле естественный, отбор раз в три года выносит на поверхность самого в тот момент сильного гроссмейстера. Он, как правило, не только молод и честолюбив, не только испытывает подъем творческих и чисто спортивных качеств, но и рвется в бой, воодушевленный победами над остальными претендентами. (Чемпионы предшествующей эпохи находились в привилегированном положении. При всем глубочайшем уважении к великим прошлого вспомним, что Ласкер сыграл немало матчей отнюдь не с самыми сильными соперниками, Капабланка не рвался схватиться с Алехиным, а тот, в свою очередь, не жаждал дать побежденному возможность реванша).

Чемпион мира же к началу матча вовсе не обязательно испытывает духовный подъем. Скорее всего, ему вообще не хочется играть. Потому что, если претендент только в борьбе может обрести право свое, то чемпион

только в борьбе может свое право потерять. У Ботвинника это осложнялось тем, что он всерьез занимался наукой, которая не желала считаться с интересами шахмат и раздраженно требовала к себе внимания.

Став чемпионами, и Василий Смыслов, и Михаил Таль, в пору своего взлета шахматисты фантастической силы, не выдержали этого психологического искуса. Не знаю точно, но внутренне уверен: обоим смертельно не хотелось играть реванши с Ботвинником. Зачем, ведь дело – и какое тяжелое – сделано? Дайте же передохнуть, понаслаждаться лаврами. Не зря же Смыслов после победного матча 1957 года с облегчением написал: «Трудная борьба... за высший шахматный титул окончена».

Окончена? Тут им нужен был ботвинниковский характер, его умение не тешить себя иллюзиями, смотреть правде в глаза. Оба они понимали, должны были понимать, что если такой самолюбивый, трезвый в оценках человек, с неистовым бойцовским характером одержим жаждой реванша, то значит бой будет особенно жестоким. Понимали, но превозмочь себя не смогли. А между тем, когда Смыслов и Таль доигрывали свои победные матчи, Ботвинник, идя на последние партии, уже обдумывал, по свидетельству Гольдберга, свою тактику в реваншах.

И Смыслову, и Талю довелось в матч-реваншах с особенной силой испытать на себе то, что составляло, быть может, важнейшее качество Ботвинника-бойца: единственное в своем роде умение создавать не прекращающееся ни на один момент тяжкое давление на полях шахматной доски (каждая партия – генеральное сражение!), давление своего характера, своей личности.

Петросян, рассказывая в интервью, как трудно было играть с Робертом Фишером, счел нужным добавить:

– Но все же с Ботвинником играть было тяжелее! Появлялось чувство неотвратимости. Очень неприятное чувство. Как-то в разговоре с Кересом я сказал ему об этом и даже сравнил Ботвинника с бульдозером, который сметает все на своем пути. Керес улыбнулся и сказал: «А представляешь, каково нам было с ним играть, когда он был молод?»

В уже упоминавшейся статье (напомню – 1957 года) Бронштейн писал: «Нелегко перечислить все особенности стиля Ботвинника, но еще одно из его ценнейших достоинств я не могу обойти молчанием. Я имею в виду способность Ботвинника каждую партию играть в полную силу. Прошу читателя поверить мне на слово, что это вовсе не так просто, как кажется. Из живущих ныне я не знаю никого, кто бы обладал этим качеством в такой мере, как Ботвинник, а прежде оно было разве только у Алехина. Умение каждую партию играть с полным напряжением, более того, вкладывать в каждый ход и расчет каждого из возможных по пути вариантов всю свою волю, мастерство и стремление победить – эта черта творчества резко выделяет Ботвинника среди других гроссмейстеров».

Есть, наверное, некая закономерность в том, что и Бронштейн, и Смыслов, и Таль, то есть те, кто испытал это давление и не смог его преодолеть, уже никогда потом не поднимались до былой высоты, хотя

Смыслов в шестьдесят два года и совершил подвиг, став финалистом соревнования претендентов 1983/84 годов.

Пора сказать о причинах того, как Ботвиннику, при том, что он сыграл в матч-турнире и в семи матчах на первенство мира, шесть раз становился чемпионом СССР и один раз – абсолютным чемпионом, участвовал в олимпиадах, во многих очень сильных турнирах и т. д., удалось на протяжении более четверти века сохранять свое могущество (Алехин, как мы знаем, уже в 1936 году считал Ботвинника «наиболее вероятным кандидатом на звание чемпиона мира», а расстался Ботвинник с этим званием лишь в 1963 году).

Принято думать, что успехи и спортивное долголетие Ботвинника во многом объясняются его знаменитой системой подготовки, как чисто шахматной, так психологической и физической. Статью об этой системе подготовки Михаил Ботвинник опубликовал еще в 1939 году. Он всегда считал своей большой заслугой, что его метод дебютной подготовки позволял иметь в середине игры уже готовый план.

Вот почему у Ботвинника было много партий, отличавшихся не только бездонной глубиной стратегических замыслов, но и удивительной логичностью, последовательностью и цельностью, и именно этим производивших, помимо всего, и чисто эстетическое впечатление. Как из песни, из лучших партий Ботвинника нельзя выкинуть ни одного слова.

Казалось бы, именно знатоки должны были в первую очередь оценить эти достоинства его игры. Но с Ботвинником, как мы уже знаем в этом смысле происходили всякие казусы. Когда вышли «Избранные партии» Ботвинника, один из рецензентов высказал упрек в том, что «в сборнике не наберется и десятка партий, которые насыщены равноправной борьбой с обоюдными шансами, где дело сводится не к «дожиманию» противника, а где весы склоняются то в одну, то в другую сторону, и исход сражения определяется глубиной творческого замысла».

Эти слова принадлежали крупному шахматисту, который, кстати, в 1937 году устоял в матче с Ботвинником, и крупному теоретику – Григорию Яковлевичу Левенфишу. В них явственно ощущается отголосок тех упреков, какие в свое время получал от старших коллег молодой мастер.

Ботвинник рассердился. Рассердился, так сказать, принципиально. И написал ответ, где с понятным недоумением спрашивал: «Может быть, Левенфиш серьезно утверждает, что если мастер стремится создать цельную партию, законченное художественное произведение, то при этом глубокие творческие замыслы уже невозможны?»

Ботвинник не мог не рассердиться. Потому что все его творческие концепции противоречили теории «качания весов».

В своих воспоминаниях Ботвинник пишет: «Мне удалось разработать метод, при котором «дебютная новинка» оказалась запрятанной далеко в миттельшпиле; она имела позиционное обоснование нового типа, она не имела «опровержения» – в привычном смысле этого слова. Лишь проделав большую работу, лишь преодолев шаблонные позиционные представления,

лишь проверив контридеи в практической борьбе, можно было найти истину и вместе с ней подлинное опровержение».

Главная цель подготовки шахматиста к соревнованиям, как считает Ботвинник, состоит, в конечном итоге, в том, чтобы экономить свои ресурсы – то есть сохранять свежую голову, память, быстроту мышления для решающих моментов борьбы в отдельных партиях и в соревновании в целом. Для этого надо, во-первых, изучать непосредственно шахматы с их позиционными законами и тонкостями, то есть быть исследователем шахмат. Во-вторых, необходимо овладеть практической стороной шахматного противоборства – обладать выносливостью, уметь распоряжаться временем, знать сильные и слабые стороны противников, а также соблюдать режим и т. п.

Так вот, Ботвинник был, наверное, самым крупным после Стейница исследователем в истории шахмат и одним из самых универсальных чемпионов мира. В сочетании с системой подготовки и строгим жизненным режимом (уже в Ноттингеме 25-летний Ботвинник удивлял англичан своей пунктуальностью, спокойствием, сдержанностью) это и позволило ему на несколько десятилетий сберечь свои ресурсы. (Впрочем, экономия сил заложена в его генотипе. В 1924 году в Ленинград приехал Эмануил Ласкер. 13-летний Ботвинник пошел поглядеть на легендарного экс-чемпиона. «Игра развивалась очень медленно, и я покинул зал что-то после первых 15 ходов, так как школьнику уже пора было спать...» Хотел бы я увидеть какого-нибудь другого школьника, который в аналогичной ситуации добровольно отправился бы домой, не дождавшись конца).

Талант, характер, методы подготовки, искусство анализа, крепкое здоровье да мало ли что еще, сплавленные воедино, позволили Ботвиннику в 1941–1948 годах победить подряд в восьми турнирах, где, сыграв 137 партий, он набрал 104,5 очка (более 76 процентов). По-человечески можно было понять Левенфиша – действительно, во многих партиях Ботвиннику уже в дебюте удавалось завладеть инициативой, которую он развивал до логического конца.

Наступил, однако, правда, значительно позже, период, когда подход Ботвинника к шахматам, к их позиционным законам подвергся жестокому испытанию. Я имею в виду годы феерического взлета Михаила Таля. В первом матче (1960) Таль приглашал Ботвинника на открытую игру, причем возникавшие позиции по нормальной шкале оценок чаще всего были лучшими для чемпиона мира. Но субъективно эти позиции были выгоднее для Таля, так как с его фантазией, орлиным комбинационным зрением, быстротой и точностью расчета вариантов и умением извлекать из фигур максимальный атакующий потенциал он в этих позициях чувствовал себя в родной стихии и переигрывал Ботвинника.

Проанализировав партии матча, Ботвинник понял, что, идя на объективно лучшие позиции, которые субъективно были выгодны Талю, он совершил психологическую ошибку, тем более что Ботвинник был вдвое старше Таля (50 лет и 25!) и в счете вариантов заведомо ему уступал. Логика

позиций сплошь и рядом вступала в противоречие с логикой борьбы. Надо было сделать выбор – иного выхода не было. Исследователь в Ботвиннике вступил в дискуссию с практиком. Практик победил: Ботвинник отдал предпочтение логике борьбы.

Матч-реванш представлял своего рода зеркальный вариант. Ботвинник теперь шел только на позиции закрытого типа, которые объективно в ряде случаев были не в пользу экс-чемпиона. Вместо того чтобы попытаться эти позиции даже ценой некоторых потерь раскупоривать, Таль принял вызов. Ботвинник рассчитал точно: став чемпионом мира, самолюбивый Таль хотел доказать, что и в позиционной борьбе он может победить своего могучего соперника.

В этом матче Ботвинник с особенной убедительностью доказал превосходство своего метода подготовки, превосходство своего универсального стиля над необычайно агрессивным, взрывным, резко атакующим, но все же ограниченным определенными рамками стилем Таля.

В отличие от некоторых других щедро одаренных шахматистов Ботвинник никогда не эксплуатировал свой талант. Если ему случалось выступать без подготовки, как это было в матче с Бронштейном, тут виновата была наука. Правда, хотя он и декларировал право шахматиста на передышку, сам практически в каждом турнире действовал как великий стайер Владимир Куц, который бежал что есть силы, не пытаясь отсидеться за чьей-нибудь спиной, чтобы потом рывком на финише завладеть победой. Такая бескомпромиссность приводила к тому, что где-то в начале второй половины дистанции у Ботвинника часто бывали спады в игре.

Великий мастер всесторонней подготовки, он заранее предвидел возможность таких спадов, более того – специально готовился их избегать, но не мог ничего поделать. (Именно поэтому Ботвинник считает, что он был лучшим исследователем, нежели практиком шахмат). Что-то не вяжется это с Ботвинником, не ложится в образ. Как это – Ботвинник не может справиться с очевидным дефектом в своей турнирной стратегии? Это он-то, о котором тот же Бронштейн с нескрываемым восхищением писал: «Кто, кроме Ботвинника, мог бы додуматься до того, чтобы играть тренировочные партии со включенным радиоприемником, создавая таким путем реальную шумовую обстановку зрительного зала, или просить своего партнера по тренировке В. Рагозина непрерывно, в течение пяти часов, обкуривать его табачным дымом, готовясь к игре и против заядлых курильщиков?»

Представьте, да! Потому что... Ботвинник азартен! (Я пишу это и сам едва верю своим словам). Гаянэ Давидовна, друг его жизни, не раз напоминала ему: «Мишенька, не забывай – партия кончается только тогда, когда остановлены часы».

Эта азартность, упоение битвой, прятавшееся за внешней сдержанностью, часто способствовало его творческим взлетам, но иногда и мешало. Добившись перевеса, Ботвинник порой чрезмерно спешил довести дело до конца. В московском турнире 1936 года он добился совершенно выигранного положения в партии с Капабланкой, но сыграл азартно и

потерпел обиднейшее поражение. В восьмой партии матча с Петросяном Ботвинник поймал соперника на хитрейшую заготовку и тоже не смог удержать себя, захотел поскорее реализовать перевес и в конечном итоге еле-еле спасся.

Так бывало с ним не единожды. Чтобы раз и навсегда сломать сложившийся стереотип представления о Ботвиннике как о сухом аскете, который не вправе произнести столь любимое Марксом: «Ничто человеческое мне не чуждо», – добавлю, что сердитый педант Ботвинник очень любит и ценит юмор, всегда готов к месту рассказать анекдот и вообще смешлив! Если этого мало, то тех, кто не читал книгу его воспоминаний «К достижению цели», я огорошу сообщением, что Ботвинник, оказывается, великолепно танцевал. После того как в 1933 году Ботвинник добился международного признания, закончив вничью матч с Сало Флором, он на традиционном банкете танцевал фокстрот с Галиной Улановой.

«Никогда не думала, что шахматисты танцуют», – говорит Галя.

Я ей ничего сказать не мог, фокстрот она танцевала слабо, – снисходительно замечает Ботвинник. И продолжает: – Фокстрот и чарльстон я танцевал на уровне профессионала. На протяжении многих лет каждую субботу я ходил на танцульки... Чарльстон сначала у меня не получался – не так просто вертеть обеими ногами одновременно. Но я схитрил – месяца два методично тренировался перед зеркалом и создал свой стиль, когда ноги работают поочередно (заметить это было практически невозможно)».

Ну, каково? И – обратили внимание? – и в чарльстоне Ботвинник пошел своим путем – создал свой стиль.

В той же книге, рассказывая об Эйве и объясняя, почему на первых порах ему трудно было с голландцем играть, Ботвинник называет себя не только логиком, но и фантазером!

Я здесь не раз упоминал о его мемуарах «К достижению цели». Эта книга нашумела, о ней очень много говорили и говорят, но рецензий на нее было маловато. И это, конечно, не случайно. Потому что из каждой строчки этой книги выпирает угловатый, резкий, не терпящий компромиссов характер Ботвинника. Не случайно в первоначальном варианте название книги звучало вызовом: «Пишу только правду». Ботвинник никак не хотел расставаться с этим названием. Потом пошел на компромисс (редкий случай): «Пишу правду». Заглавие, в конце концов, стало другим, но содержание полностью соответствует первому варианту.

Вполне допускаю, что в описании некоторых эпизодов Ботвинник объективно не вполне прав, но субъективно он щепетильно честен и даже, я бы сказал, жестоко правдив, и не только по отношению к другим, но и к самому себе. Вот почему воспоминания Ботвинника – это удивительный человеческий документ, по которому потомки будут наряду с прочим изучать нашу эпоху.

Да, эта книга кое-кого обидела. Да, Ботвинник пристрастен – с возрастом он не стал благодуще. Да, в книге есть несущественные эпизоды, касающиеся лично автора и не представляющие, казалось бы,

общественного интереса. Если бы Ботвинник позволил, редакторский карандаш легко и привычно убрал бы «лишнее», придал бы остальному некое благообразие и вытравил бы из нее приметы эпохи, неповторимый, временами вызывающий желание поспорить, но подлинный, не подслащенный ботвинниковский дух.

Ботвинник не позволил.

Вырванные из контекста, некоторые эпизоды действительно выглядят странными, а может быть, и ненужными. Но как в шахматах наиболее сильное впечатление производят не отдельные, даже очень эффектные ходы Ботвинника, а глубина и цельность всей партии, так и эта книга обладает внутренней логикой, которая сращивает в единое целое совершенно, казалось бы, разнородную плотность, производит неизгладимое впечатление как цельный слепок характера.

«Ну зачем, скажите на милость, он описал эту историю «с пузом»?» – гневался один гроссмейстер.

В самом деле, зачем?

Однажды мальчиком Ботвинник возвращался от тети, которая всегда угощала «всякими вкусными вещами». Возвращался пешком – эту привычку он выработал в себе еще в детстве. И... «На полпути у Царскосельского вокзала (ныне Витебский) у меня схватило пузо. Принял решение идти домой. Иду. Прошел Загородный, Владимирский, повернул на Невский. Перешел Невский, вошел во двор, поднялся на четвертый этаж. Пулей пролетел мимо удивленной матери, когда она открыла мне дверь, миновал коридор, но здесь совершил ошибку, которая, видимо, для меня характерна (сколько хороших возможностей упустил я по этой причине за шахматной доской!), преждевременно решил, что достиг цели...»

Мне известно, что редакторы настойчиво рекомендовали автору убрать этот малоэстетичный эпизод. «Нет, – твердо ответил Ботвинник. – Это была характерная для меня ошибка, я должен об этом рассказать».

Он достиг в этой книге полного самовыражения – редкий счастливчик!

Логик и фантазер, великий боец, исследователь шахмат и крупный ученый, ревнитель регламентов и любитель чарльстона (а кстати, и тонкий ценитель классического балета), человек острого ума и жесткого, независимого характера, выдержанный и азартный, недоверчивый, но абсолютно корректный, яростный в отстаивании своих принципов, ничего и никому не прощающий и всегда готовый рассмеяться (было бы над чем) – вот каков в моем нынешнем понимании Михаил Моисеевич Ботвинник. Он давно уже стал для шахматистов живой историей, живой легендой – пора эти слова произнести.

Ботвинник отошел от практической игры сравнительно рано, в 59 лет, главным образом потому, что наука, которая десятилетиями вынужденно мирилась с шахматами, сердито потребовала, наконец, полную долю внимания и забот. Была, я думаю, и другая причина: первые роли в шахматах он уже не мог играть, вторые – не хотел... Но Ботвинник внешне бесстрастно, однако, как мне кажется, с острым любопытством следит за

шахматной жизнью, особенно с тех пор, как на авансцену начали выходить его бывшие ученики, в первую очередь самый талантливый из них – Гарри Каспаров.

Ботвинник редко высказывает публично свое мнение по поводу тех или иных шахматных событий, но уж если что-нибудь скажет, то это всегда встречается у миллионов любителей, да и у специалистов жадный интерес.

Говорят, правда, с оттенком некоторого осуждения, что Ботвинник всегда субъективен в своих оценках. Что ж, так оно и есть. В каждом его высказывании проявляет себя, помимо глубочайшего проникновения в суть проблемы, бескомпромиссность его натуры. Ботвинник никогда не подслащивает самую горькую пилюлю – помните: «Пишу только правду»? Но в этом-то и состоит неотразимая прелесть его суждений. Необтекаемый характер не терпит обтекаемых фраз.

Будучи невеждой в кибернетике, я не могу взять на себя смелость сколько-нибудь подробно обрисовать научную деятельность Ботвинника. Интересующихся могу отослать к его книгам: «Алгоритм игры в шахматы», «От шахматиста к машине» и, наконец, к его воспоминаниям, где эта область его жизни освещена достаточно полно. Могу только сказать, что и доктором наук Ботвинник стал в 1951 году тоже не по чьей-либо протекции, а преодолев очень суровое сопротивление оппонентов весьма внушительной весовой категории. Шахматный авторитет Ботвинника на его научную карьеру никакого благодатного влияния не оказывал, а независимый характер, с годами лишь еще больше твердевший от шахматных рубцов, лишал его необходимой и в сфере науки гибкости.

Но он – один из авторов изобретений, сделанных в лаборатории асинхронизированных синхронных машин, которой Ботвинник много лет руководил. Эти изобретения запатентованы в США, Англии, Швеции, Японии, ФРГ. Но «Алгоритм игры в шахматы» был переведен самым авторитетным на Западе научно-техническим издательством «Юлиус Шпрингер» (Гейдельберг), причем переводчик Артур Браун дал книге иное название: «Компьютеры, шахматы и долгосрочное планирование». В обоснование этого он написал в предисловии, что название оригинала не соответствует содержанию и Ботвинник это знает.

Действительно, как ни огорчит это, быть может, иных любителей шахмат, научная работа Ботвинника над программой «Пионер» имеет неоценимое значение не для шахмат, а для экономического и иного планирования. Однако интеллектуальные способности и способ мышления машины отрабатываются на шахматах.

Принципиально новое в способе шахматного мышления «Пионера» заключается в том, что, оценивая позицию, он не перебирает все возможные ходы, как другие программы, и не отбрасывает плохое продолжение чисто механическим способом, а думает логически, как человек, то есть отбирает только несколько лучших ходов и отдает приоритет наилучшему.

Творческой вершиной «Пионера» в шахматах можно считать то, что он нашел знаменитую комбинацию с жертвой двух фигур, осуществленную

Ботвинником в партии с Капабланкой в знаменитом АВРО-турнире 1938 года, где играли сильнейшие восемь шахматистов мира того времени.

Проигравший сказал, что это была «борьба умов», Алехин, в ту пору уже вернувший себе титул чемпиона мира, считал партию красивейшей в турнире. Но мне кажется более драгоценной похвала хоть и большого знатока, но все-таки не из сонма шахматных богов. Григорий Левенфиш, у которого с Ботвинником были творческие, а иногда и человеческие расхождения, нашел в себе благородство, назвав партию художественным произведением высшего ранга, заявить: «Глубокий стратегический план был увенчан далеко рассчитанными задачными комбинациями. Такая партия, на мой взгляд, стоит двух первых призов...»

Так вот, кульминационная позиция из этой партии была дана для решения «Пионеру». Он долго не мог с ней справиться, пока Ботвинник не заложил в программу понятие о конъюнктурной, то есть относительной стоимости фигур и пешек. Когда «Пионер» это смекнул, он стал рассуждать, как это и было задумано, по-человечески и, хотя и не без долгих творческих мук, создал художественное произведение высшего ранга.

...За свою долгую творческую и спортивную жизнь Михаил Моисеевич Ботвинник побеждал и вместе с тем вел за собой целую плеяду советских и иностранных гроссмейстеров и мастеров.

– Все мы учились у Ботвинника, – сказал как-то Леонид Штейн.

А Михаил Таль однажды откровенно признался:

– Я встречался, наверное, со всеми сильнейшими шахматистами мира, разные бывали ощущения. Играя с Ботвинником, все время чувствовал себя студентом. Мы все – школьники, студенты, может быть, аспиранты, он – профессор.

Да, своих аспирантов (не студентов и тем более не школьников – тут Таль излишне скромничает) профессор Ботвинник держал в ежовых рукавицах – что верно, то верно. Его система воспитания была по-спартански суровой, зато и полезной.

Здесь пора сказать, что многие известные шахматисты учились у Ботвинника в самом прямом смысле – одни, как Марк Тайманов, в Ленинградском Дворце пионеров, другие в его знаменитой школе. В этой школе брали уроки Анатолий Карпов, Гарри Каспаров, Юрий Балашов, Александр Белявский, Артур Юсупов, Сергей Долматов, Елена Ахмыловская, Нана Иоселиани и многие другие. Наверное, я не открою секрета, сказав, что самым любимым учеником был Каспаров, которому Ботвинник долгие годы помогал бесценными советами. Они стали особенно дороги, когда молодой гроссмейстер вступил в борьбу за первенство мира: в этой сфере Ботвиннику с его пониманием всего комплекса сложнейших проблем нет равных.

Есть еще одна, уже нравственная черта в творческом и спортивном облике Ботвинника, которая делает его влияние на молодых шахматистов особенно сильным. В пору шахматного рационализма личность Ботвинника с его неколебимой принципиальностью, непримиримым бойцовским

характером служит прагматикам живым укором. Ботвинник никогда не подчинял творчество практическим соображениям, разве что вынужден был считаться с интересами науки. Вот еще в чем тайна тяжелого удельного веса каждого его высказывания о шахматах и шахматистах...

А как быть с колкостями его трудного характера, с его недоверчивостью, нетерпимостью, с резкостью его суждений? На это отвечу так: Михаила Моисеевича Ботвинника можно любить или не любить – это дело вкуса (я, как это, наверное, явствует из всего сказанного, отношусь к тем, кто Ботвинника любит), на него можно обижаться (доводилось это и мне), даже сердиться. Не уважать его – нельзя!